

К 50-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ А. А. ШАХМАТОВА

В. В. КОЛЕСОВ

ЗНАЧЕНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТРУДОВ А. А. ШАХМАТОВА
ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО СЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

А. А. Шахматов — славист по образованию, научной специальности и основным интересам. Свою исследовательскую работу он начинал как русист, учился у филологов-славистов, его первое публичное выступление было на лингвистическом диспуте, его основные научные работы и обе диссертации посвящены истории русского языка, последние фундаментальные публикации также связаны с проблемами русского языкознания, наконец, половина его работ (78 из 160 опубликованных) — это работы по славянскому языкознанию.

Вместе с тем А. А. Шахматов продуктивно работал и в других областях гуманитарного цикла. Он был палеографом, текстологом, историком, литературоведом, искусствоведом. Есть нечто общее во всех трудах Шахматова — в них видно характерное свойство личности ученого, его научного дара, который объединяет все сферы его исследовательской и преподавательской деятельности. Это — чрезвычайно пристальное внимание к многообразным и мельчайшим фактам, углубленное изучение всей совокупности данных, проникновение в сущность их внутренних соотношений — интуитивное прозрение, выросшее на основе исследования факта. В любой работе А. А. Шахматова можно проследить внутреннюю борьбу двух стихий: интуиция и факт — каркас и материал каждого исследования. Собственно, соотношение этих двух элементов исследования в конкретной работе А. А. Шахматова и определяет сегодня относительную ценность шахматовских результатов: все зависит от того, насколько удачно в том или ином случае Шахматову удалось построить концепцию, исходя из суммы им обнаруженных и отобранных фактов. Именно им, потому что не всякое открытие, сделанное другими, он допускал в свое исследование, в свое построение. Достаточно вспомнить некоторые работы Н. М. Каринского, результаты которых А. А. Шахматов не принял в свое построение исторической диалектологии¹. Интуиция и факт в исследовательской практике Шахматова — это нечто единое, двуликий Янус его творческой манеры, и сам А. А. Шахматов не волен был отдать предпочтение чему-то одному в ущерб другому.

На этом общем свойстве творческой манеры А. А. Шахматова прежде всего следует остановиться, давая оценку конечным результатам его исследований.

В каждодневной нашей работе необходимы моменты сосредоточенного размышления, с тем, чтобы, прекратив полемику и оглянувшись назад, не опровергать, критиковать и иронизировать над нашими предшественниками, а всесторонне и честно оценить их вклад в последовательное раз-

¹ См.: А. А. Шахматов, Несколько заметок об языке псковских памятников XIV—XV вв., ЖМНП, 1909, 7; его же, К вопросу о польском влиянии на древнерусские говоры, РФВ, XIX, 1, 1913.

витие науки. Другими словами, оттеняя различия между предшественниками и нами, различия, являющиеся нашими достижениями, не следует забывать об одновременном выделении общего между нами и ими. Это и есть вклад наших учителей в развитие науки, исток, зерно современного языкознания. Научная традиция — фактор не менее плодотворный, чем новаторство.

Обращаясь к научному наследию А. А. Шахматова, прежде всего следует оценить его метод исследования, а затем — конкретные научные открытия, сделанные им. Первое имеет значение не только для лингвистов, второе — важно не только для современных Шахматову лингвистов.

В сопоставлении с другими современными ему учеными, работавшими в той же области, например, в сопоставлении с Ф. Ф. Фортунатовым (учителем) или А. И. Соболевским (постоянным оппонентом и соперником), Шахматов в своих исследованиях отработывает не просто исторический (как Соболевский) и не просто сравнительный (как Фортунатов), а сравнительно-исторический метод, т. е. соединяет воедино историческое изучение сравнительных данных. Сравнительно-исторический метод — не открытие Шахматова, и не он дал ему название², но формулу и определение он облек в плоть фактов и тем самым обосновал необходимость и показал плодотворность такого типа исследований. Каждый рассматриваемый факт включается у него в две координаты — синхронное соотношение этого факта в современных славянских языках и их диалектах и его проекция в прошлое. Такая ориентация Шахматова подтверждается многими данными, прямыми и косвенными. Закончив большую статью «О звуковых особенностях общерусского языка», А. А. Шахматов так и не опубликовал ее, потому что она представляла собою результат реконструкции на основе сравнения современных восточнославянских языков и их говоров. Отсутствие доказательств исторического характера послужило достаточным основанием, чтобы воздержаться от публикации³. То же случилось со статьей «Дифтонги *yo* и *ie* в великорусских говорах». Узнав об исследовании Л. Л. Васильева, посвященном той же теме, но решенном с позиции сравнительно-исторического метода, А. А. Шахматов откладывает публикацию своей работы, представляющей собою реконструкцию прарусского состояния на основе чисто сравнительных данных⁴. Из открытий других ученых Шахматов принимает как доказанную истину только те, которые основаны на совмещении исторических и сравнительных данных (например, открытие А. И. Соболевским нового *t* галицко-волынского типа) и неоднократно заявляет о продуктивности именно такого метода исследования⁵. Речь идет не о форме изложения материала, а о научном методе, лежащем в основе системы доказательств. Ведь и Ф. Ф. Фортунатов писал статьи о языке старославянских памятников, однако в своих теоретических построениях он всегда оставался компаративистом в узком смысле слова, точно так же как А. И. Соболевский был преимущественно историком по своему лингвистическому мировоззрению. Ставшее расхожим в биографической литературе мнение о противопоставлении А. И. Соболевского А. А. Шахматову (соответственно: исторический памятник как основной источник исследования — современный говор как основной источник ис-

² Одно из ранних определений этого метода в русской литературе можно найти в рец. А. А. Потебни на кн. П. Житецкого «Обзор звуковой истории малорусского наречия», см. «Зап. Имп. Акад. наук», 33, Приложение, СПб., 1878.

³ См.: Архив АН СССР, фонд 134, опись 1, № 131.

⁴ Статья опубликована в ВЯ, 1964, 5 и 6.

⁵ См.: А. А. Шахматов, [рец. на кн.:] Д. К. Зеленин, Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением заднеязычных согласных, ИОРЯС, XX, 3, 1915.

следования) не соответствует действительности, если иметь в виду всю творческую деятельность Шахматова во всем ее объеме. В своих ранних работах он действительно полностью следует Ф. Ф. Фортунатову, противопоставляя свой метод исследовательским принципам А. И. Соболевского. В зрелые годы А. А. Шахматов творчески совмещает разные методы исследования, превращая их сплав в собственный метод.

Современной науке понятно четкое противопоставление синхронии и диахронии; А. А. Шахматов же признавал их синтез, но он уже осознал разницу между ними, хотя бы и на эвристическом уровне.

А. А. Шахматова интересует не просто факт, а группа родственных фактов — также в отличие от многих современных ему исследователей. В его работах читатель видит не иллюстрации развиваемым положениям, а выводы из тщательно и исчерпывающе рассмотренных фактов. Чтобы построить свою теорию редуцированных, Шахматов 30 лет изучает древнерусские источники; чтобы определенно установить наличие фонемы («звука») *δ* в древнерусском — шесть лет скрупулезно, по печатным и рукописным трудам, по забытым провинциальным газетам, в собственных диалектологических поездках изучает «произношение *δ*» в современных говорах; чтобы написать короткую статью о втором полногласии — около десяти лет собирает редкие по памятникам примеры этого явления. Он изучает не отдельно вычлененный факт, строит исследование не «атомарно», как это склонны считать некоторые историки науки сегодня, включающие А. А. Шахматова в общий ряд правоверных младограмматиков. Редуцированные рассматриваются в связи с просодическими изменениями древнерусского языка, *δ* в связи с *ê*, второе полногласие — в общих границах изменений, называемых первым и третьим полногласием, и т. д. А. А. Шахматова, таким образом, интересует фрагмент системы, а не изолированный факт. Такое интуитивное в рамках младограмматической школы стремление к осознанию системности характерно не только для Шахматова. Он был первый, но после него работал Т. Лер-Сплавинский, который указал на то, что во всех славянских языках история |*ě*| тесно связана с историей носовых гласных (развитие одной из этих единиц предсказывает направление в развитии другой); работал А. М. Селищев, который указал на то, что в славянских языках рефлекс носовых гласных соотносятся с разными типами изменения плавных сочетаний между согласными; работал Л. Л. Васильев, который показал тесную связь согласного и гласного в пределах слога в позднем праславянском. Если эти открытия, сделанные в границах традиционного языкознания, спроецировать на современную нам славянскую историческую фонологию, можно увидеть, что именно на них, как на опорных звеньях, и построена историческая фонология праславянского языка.

Добросовестно собранный и истолкованный материал и не давал возможности для иных выводов. Историк языка, работающий над письменными источниками, не мог не говорить о соотношении различительных фонетических единиц. В средневековом письменном тексте всегда отражается не фонетическое изменение, а изменение фонемы в синтагматическом плане. Историческая фонетика традиционного типа с самого начала оперирует не «звуками», а фонемами, связанными теми или иными отношениями⁶. Именно А. А. Шахматов первый понял и на многих примерах показал, что односторонняя замена, например, *ѣ* на *е* не указывает на совпадение фонем («звуков») |*ě*| и |*e*|. Об их слиянии можно говорить лишь в том случае, если памятники отражают взаимное смешение букв *ѣ* и *е*. Действительно,

⁶ Хорошая характеристика этой особенности младограмматической эпохи в исторической фонетике дана в статье К. В. Горшковой «О понятиях исторической фонологии» в сб. «Проблемы современной лингвистики», М., 1968.

изменение $\bar{b} > e$ отражает только изменение в синтагматической системе фонем, т. е. факт нейтрализации противопоставления $|\bar{e}|$ и $|e|$ в слабой позиции. А. А. Шахматов не употребляет всех этих терминов, разъясняющих современному читателю суть описанного изменения, но само изменение понимает именно фонологически.

Из этой эмпирически возникшей мысли о необходимости совместного изучения целого ряда однородных фактов и вышла впоследствии идея системности языка.

В своей ориентации на живой язык А. А. Шахматов больше младограмматик, чем, например, А. И. Соболевский, но в своей конкретной работе он и здесь выходит за границы узкого младограмматического ложа и смыкается с Ф. Ф. Fortunatovым (недоброжелательно относившимся к младограмматикам) и с И. А. Бодуэном де Куртенэ (воинствующим противником младограмматиков). А. А. Шахматов ориентируется на живой говор (но не в значении «диалект», а в смысле «говорение, речь») как на единственно объективный критерий научного исследования — и между прочим потому, что только живой говор можно изучать последовательно и всесторонне, т. е. систематично, тогда как историческое исследование по необходимости состоит из фрагментов. «Реконструировочное пенкоснимательство», как Бодуэн де Куртенэ в одном из писем назвал школу Ф. Ф. Fortunatova и работы Шахматова в ее русле⁷, смеяется интересом к функционирующему языку. Можно говорить, что двадцатилетний дружеский контакт с Бодуэном де Куртенэ и постоянные «наветы» последнего способствовали такому изменению во взглядах Шахматова, который стал автором первого университетского курса по современному русскому языку и подготовил исследования по грамматике современного русского литературного языка (большой том, посвященный синтаксису, вышел уже после смерти автора). А. А. Шахматов — создатель курса русского литературного языка; в трудах его учеников этот курс стал наукой. Шахматов дал образец описания грамматической системы на синхронном уровне (оставляем в стороне вопрос о теоретических и философских основах такого описания), где последовательно различается устойчивое и маргинальное, продуктивное и непродуктивное «в языке», т. е. другими словами, но очень определенно говорится о противопоставлении языка и речи. Это также пока чисто эмпирическое восприятие важного лингвистического разграничения, но оно осознанно проводится при анализе материала.

Соединяя вместе все отличия шахматовской концепции языка от традиционных представлений современного ему языкознания, можно обнаружить, что чисто опытным путем, исходя из материала и умело его интерпретируя, Шахматов различает синхронию и диахронию, язык и речь, систему и явление. Это еще период синтеза данных лингвистических противопоставлений, но все-таки не их смешения. Только позже эти противопоставления были представлены аналитически — как модель и процесс, как форма и содержание, как частное и общее.

Из сказанного выявляется еще одно важное свойство Шахматова как исследователя: его неустанный поиск нового. За сорок лет своей исследовательской деятельности он прошел путь от Fortunatova до Бодуэна, т. е. от традиционной компаративистики до исходных плацдармов современной лингвистики. В своих исследованиях и теоретических воззрениях Шахматов находился в постоянном развитии, имея смелость отказаться и от собственных устаревших взглядов.

⁷ См. письмо к Л. В. Щербе — Архив АН СССР, фонд 770, опись 2, № 15, лист 70. В другом письме к Л. В. Щербе Бодуэн дополняет свою характеристику методики реконструкции Fortunatova: «Вот паутинка и бумажная фонетика в *n*-ой степени. Особый талант простые вещи делать темными и запутанными» (там же, лист 113).

Из работ Шахматова наиболее устарели те, которые касаются вопросов внешней истории языка, например, языковых контактов, образования русских наречий и т. д.⁸. Те же его труды, в которых речь идет о собственно языковых изменениях, мы можем только дополнять новыми фактами — или иначе интерпретировать уже известные факты. Шахматов в своих реконструкциях настолько точно схватил основные особенности древнерусской системы, что их трудно опровергнуть в целом.

*

На примере акцентологических открытий Шахматова можно показать плодотворность его конкретных результатов и вместе с тем расхождение с современным нам языкознанием. Акцентологические работы удобно привлечь в качестве примера потому, что Шахматов был одним из основоположников славянской акцентологии и создал последовательную концепцию в этой области славистики. Кроме того, акцентологические изменения так или иначе затрагивают все уровни языка и в этом смысле могут считаться универсальными.

Суть акцентологических исследований А. А. Шахматова сводится к установлению следующих трех основных закономерностей в позднем праславянском языке.

1. Прежде всего, происходит ослабление конечного слога и как результат этого — возмездительное усиление предконечного слога. Все остальные слоги слова соответственно ослабляются. В праславянском языке наряду с музыкальными появляются экспираторные ударения. Такова суть первого закона Шахматова. Только семнадцать лет спустя в работах Я. Розвадовского эта новая интонация, открытая для праславянского языка Шахматовым, получит название новоаккутовой и под этим названием войдет в науку. Первый закон Шахматова определяет многие фонетические изменения; уже современники Шахматова связывали с ним утрату редуцированных. Он же объясняет внешне противоречивые шахматовские толкования по вопросу об этапах утраты редуцированных в словах типа *мъногъ*: в одних случаях утверждалось, что раньше всего исчез конечный |ъ|, в других — |ь| первого (предударного) слога. Между тем никакого противоречия в этих высказываниях нет, ибо в обоих случаях редуцированные находятся в абсолютно слабой (изолированной морфологически) позиции, образовавшейся в результате действия первого закона Шахматова.

2. Следствием первого закона было следующее. Нисходящее ударение соотносилось теперь только с первым слогом слова; в других слогах оно ликвидировалось двумя способами: если старому нисходящему ударению предшествовал долгий слог — оно изменилось в восходящее (*нѣрѣдѣ* > *нѣрѣдѣ*), если старому нисходящему ударению предшествовал краткий слог — оно перенеслось на этот краткий слог (*вѣздѣхъ* > *вѣздѣхъ*) — второй закон Шахматова, который обычно и называют акцентологическим законом Шахматова, не всегда точно излагая его суть. Основное содержание его заключается в констатации факта, что нисходящая интонация со срединных слогов отбрасывалась к крайним слогам слова.

3. После того как не в начальном слоге слова стало возможным только восходящее ударение, в тех редких случаях, где данная закономерность нарушалась, произошло распространение долготы и восходящей интонации по аналогии. Это вызвало морфологическое обобщение нововосходящего

⁸ См., например: Р. И. А в а н е с о в, Вопросы образования русского языка в его говорах, «Вестник МГУ», 1947, 9; Ф. П. Ф и л и н, Древнерусские диалектные зоны и происхождение восточнославянских языков, ВЯ, 1970, 5.

ударения не в начальном слоге и завершило чисто фонетические изменения. Такое (морфологическое в своей основе) следствие из акцентологических преобразований Д. В. Бубрих назвал третьим акцентологическим законом Шахматова⁹.

Изложенные схематически, эти законы могут показаться частными. В действительности же Шахматов обнаружил тот внутренний нерв, ту магистральную линию, которая определяла развитие языка на фонологическом и просодическом уровне в течение первого тысячелетия нашей эры. Нет ни одной работы по славянской акцентологии, где в том или ином виде не обсуждались бы все обозначенные здесь закономерности: они действовали объективно, их действие доказано многими фактами и отношениями современных славянских языков — они бесспорны. Забывается только, что указанными открытиями мы обязаны Шахматову. Хр. Станг в своей книге на протяжении целой главы обсуждает первый закон Шахматова, не упоминая его имени; в акцентологической концепции Е. Куриловича можно было бы усмотреть много общего с фактами, обобщенными во втором и особенно третьем законе Шахматова; Л. А. Булаховский неоднократно обсуждает славянский материал с точки зрения второго закона Шахматова; есть серьезные основания подозревать, что закон Ю. Крижанича, выведенный В. А. Дыбо, генетически связан с первым законом Шахматова или представляет его вариацию, и т. д. Таким образом, открытия Шахматова разошлись по трудам других ученых, стали ходячей монетой современной славянской акцентологии. Они настолько неопровержимы и потому общеприняты, что из отдельных частей шахматовской концепции создаются с большим или меньшим успехом современные акцентологические теории или толкования конкретного типа. Здесь, как в зеркале, отражена судьба многих шахматовских построений: принимается конкретный результат исследования («открытие»), но игнорируется основанная на нем теория, которую связывают с интуицией; шахматовская же интуиция, как известно, у современных лингвистов подвергается сомнению и порицанию. А между тем именно в данном случае теория исключительно важна: частные открытия в виде вскользь брошенных замечаний делали и до Шахматова (например, А. Лескин и Т. Маретич относительно некоторых явлений, объединенных во втором законе Шахматова), но только в цельной шахматовской теории они получили свое объяснение.

А. А. Шахматова можно упрекнуть лишь в слишком обобщенном толковании ряда закономерностей, например, тех, которые объединены во втором его законе. Здесь совпадают принимаемые современными акцентологами закон Станга, закон Васильева — Долобоко и собственно закон Шахматова (в интерпретации Л. А. Булаховского). Отсюда же можно вычлениить и другие акцентологические закономерности позднего праславянского языка. Не случайно, по-видимому, именно второй закон Шахматова в специальной литературе получил самое различное и весьма противоречивое толкование. В закономерность, обнаруженную Шахматовым, входит широкий круг вопросов: о взаимодействии оттяжки на краткий с ее отсутствием на долготный предшествующий слог, о структуре слова с возможной рецессией, о характере предшествующего ударению слога, о характере интонации в новоударном слоге, о соотношении оттяжек со срединного краткостного и со срединного циркумфлексного слога и т. д.

Можно отметить это обстоятельство и на его основании сделать вывод, что Шахматова в конечном счете не интересовали фонетические подробности изменения. Как и в исследованиях по исторической фонетике, он обраба-

⁹ См.: Д. В. Б у б р и х, О трудах А. А. Шахматова в области славянской акцентологии, ИОРЯС, XXV (1920), Пгр., 1922, стр. 203.

тывал факты на том уровне, который теперь мы называем фонологическим. Чтобы убедиться в этом, попробуем интерпретировать изложенные выше акцентологические законы Шахматова с точки зрения современной акцентологии.

В соответствии с первым законом в противопоставлении трех интонаций на долгих слогах происходит перераспределение: теперь не восходящая интонация противопоставлена нисходящей, а нововосходящая (новоакутовая) — старым восходящей и нисходящей, потому что в противопоставлении в связи с возникновением новоакута включается новый различительный признак: новоакутовая интонация связана с оттянутым ударением, тон и иктус в ней совмещены. Это фонологическое ударение, маркированный член акцентного противопоставления.

Отсюда следствие — только фонологическое ударение возможно в середине слова, и все прочие типы интонаций приводят к отбрасыванию иктуса при разных условиях на крайние слоги фонетического слова. Следствием этого же является и синтагматическая обусловленность возможных колебаний ударения, связанного с исконными интонациями на долготях — факт, еще не учтенный при реконструкциях древнейших ритмических памятников и вообще в историческом стиховедении.

В конечном результате происходит выравнивание иктуса в пределах парадигмы. Обобщается всегда фонологически важное ударение, в данном случае новоакут, потому что в соответствии с основным законом диахронического изменения выравниванию подлежит не аллофон и не второстепенный признак аллофона, а только дифференциальный признак или, на уровне самостоятельных единиц, фонема.

В этих трех закономерностях содержится суть акцентологических преобразований в позднем праславянском языке, если интерпретировать их фонологически. Можно утверждать, что именно Шахматову принадлежит открытие этих закономерностей и тем самым — создание основы современной славянской акцентологии, правда, с некоторыми оговорками.

Сам Шахматов, разумеется, не мог до конца осознать идею иерархии лингвистических единиц (фонема — аллофон) и иерархии фонетических изменений (разного типа фонологические и собственно фонетические изменения). Это вообще затрудняет интерпретацию шахматовских работ и извлечение из них рационального зерна. Очевидно, многие совпадения у современных исследователей с результатами шахматовских открытий не связаны с заимствованием у Шахматова, а являются вторично открытыми истинами. В акцентологических работах Шахматова неоднократно встречаются высказывания об интонационных различиях в безударных слогах, даже после образования фонологического ударения, о сверхкратких, кратких, полудолгих, долгих и сверхдолгих слогах как реально существовавшей фонетической характеристике и т. п. Все это издержки реконструкции на том этапе развития науки, когда пришлось работать Шахматову. Именно это сложное переплетение фонетических в узком смысле слова и фонологических фактов усложняет понимание шахматовских работ сегодня. Но удивительно другое, удивительно то, как, несмотря на это и вопреки этому, Шахматову удалось четко предвидеть самое существенное в составе различительных единиц языка и в их изменении. В докладе Р. А. Якобсона на V съезде славистов дана прекрасная интерпретация законов Шахматова с точки зрения современной акцентологической теории¹⁰.

И во многих других случаях можно отметить аналогичную зависимость современных исследований от результатов, достигнутых Шахматовым.

¹⁰ См.: Р. О. Якобсон, Опыт фонологического подхода к историческим вопросам славянской акцентологии (Поздний период славянской языковой праистории), «American contributions to the V international congress of slavists», The Hague, 1963.

Особенно наглядно это видно на тех фонологических работах, которые по времени недалеко отстоят от шахматовского «Очерка древнейшего периода истории русского языка» (1915) и связанных с ним работ.

В 1925 г. Н. С. Трубецкой написал работу о фонетических диалектизмах в древнерусском языке, а в 1929 г. Р. О. Якобсон издал свое исследование по русской исторической фонологии (первое исследование по диахронической фонологии вообще, обеспечившее его автору почетный титул «пионера диахронической фонологии») ¹¹. Обе эти работы исходят не просто из фактов, собранных Шахматовым (а не другим исследователем, например, А. И. Соболевским, у которого попросту не было теории исторического изменения, хотя конкретных наблюдений и открытий он сделал больше, чем Шахматов); они исходят из системы Шахматова, из имплицитно вырисовывавшейся системы, созданной и фактом, и творческой интуицией Шахматова. Круг фактов, привлеченных к исследованию Трубецким и Якобсоном, точно повторяет законченную схему Шахматова; отличие заключается в том, что схему Шахматова, шахматовскую систему фактов они интерпретируют фонологически. За шахматовской системой фактов они увидели систему языка. За чисто внешним заимствованием фактологической структуры стоит и более глубинное заимствование методики: все ранние интерпретации Трубецкого и Якобсона не выходят за пределы синтагматической системы фонем, а ведь именно на этом уровне чисто эмпирически работал и Шахматов. Только значительно позже, начиная с тридцатых годов, те же ученые пришли к идее парадигматического, функционального, а затем и аллофонного моделирования. Говоря о заслугах названных и многих других современных ученых, не следует забывать о том периоде в развитии нашей науки, когда эта лавина открытий еще только начиналась. Качественный скачок в развитии исторического языкознания был подготовлен всем предшествующим периодом развития отечественной науки.

В работе Шахматова, таким образом, менее всего важна интуиция в обычном понимании этого слова — он слишком глубоко проник в сущность фактов и основных закономерностей их развития, чтобы не сделать тех определенных и окончательных выводов, которые и сделал. Пресловутая шахматовская интуиция — это не субъективные намерения ученого, а проекция тех же реально установленных фактов на те звенья прошлых систем, которые не могут быть объяснены с помощью фактов. Вот почему современная историческая фонология русского языка исходит именно из шахматовской фактологии: это осознанный и уже включенный в систему факт, а не набор интересных подробностей. Это система в готовом виде, но еще не осознанная как система.

Любопытно, что современники Шахматова и современные ученые упрекали и упрекают Шахматова за прямо противоположные черты его научных работ. Современники видели недостаточность или недоказательность приводимых Шахматовым фактов, теперешние исследователи вменяют ему в вину чересчур активное пользование «интуицией». Это касается и фонетических, и акцентологических работ Шахматова. Так, М. Решетар и Д. В. Бубрих считали, что Шахматов строит свою теорию на недостаточно надежных и на редких фактах, а современные акцентологи склонны приписывать значение шахматовских работ по той причине, что в них слишком много «приписанных» закономерностей. Трубецкой в указанной выше работе осознал системный характер диалектных различительных при-

¹¹ N. S. Trubetzkoy, *Einiges über die russische Lautentwicklung und die Auflösung der gemeinrussischen Spracheinheit*, ZfSIPh, 1, 1925; R. Jakobson, *Remarques sur l'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves*, TCLP, II, 1929.

наков, выявленных Шахматовым, и подтвердил их достаточность для диагностики ареальных систем; наоборот, Селищев по-прежнему воспринимал проблему с фактологической стороны и упрекал Трубецкого за недостаточность положительных данных для построения «системы»¹². Истина, видимо, заключается в том, что для Шахматова не было в этом соединении факта и интуиции никакого противоречия; если ему приходилось пересматривать свои взгляды, он отвергал не какие-то конкретные факты или частные объяснения этих фактов — он отказывался от всего построения в целом. Значение Шахматова для современной науки состоит в том, что он своими исследованиями подготовил качественный сдвиг в осознании языковых фактов на системном уровне. Всю жизнь развиваясь сам, он не мог не оказать влияния на развитие столь дорогой для него науки.

¹² См.: А. М. С е л и щ е в, Критические замечания о реконструкции древнейшей судьбы русских диалектов, «Slavia», VII, 1, 1928.